

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ГОСУДАРСТВ В XIX в.

В.П. Яншин – докторант

Анализируются процесс развития вооруженных сил Центральноазиатских государств (Бухара, Коканд, Кашгар, Афганистан) в XIX в. и влияние на него военных столкновений с Россией и Англией.

Ключевые слова: вооруженные силы; воинская повинность; артиллерия; Центральноазиатские государства; XIX век.

При рассмотрении периода активного продвижения России на юг в Центральную Азию важное значение имеет характеристика вооруженных сил местных государств, которые противостояли русским войскам. При этом необходимо учитывать тот факт, что Бухарский эмират, Кокандское ханство, государство Якуб-бека в

Кашгаре, Афганистан являлись своеобразным передовым рубежом и заслоном против России, поддерживаемым Англией и Турцией, что, безусловно, сказывалось на развитии местных войск. Надо отметить, что при общей схожести организации центральноазиатских войск в каждом государстве были свои характерные черты

комплектования, устройства и вооружения, вызванные как внешними, так и внутренними причинами.

Наиболее сильной армией в Центральной Азии к середине XIX в. считались вооруженные силы **Бухарского эмирата** (до их разгрома русскими войсками в 1866–1868 гг.). Войска делились на постоянные и регулярные части. Регулярные войска подразделялись на пехоту, кавалерию и артиллерию, которые насчитывали к 1868 г. около 16 тыс. человек, в том числе около 12 тыс. пехоты, 2–3 тыс. конницы, 1,5 тыс. артиллеристов [1: 410]. При этом одно орудие обслуживало 10 человек, а всего в полевой артиллерии насчитывалось около 150 пушек. Пехота делилась на батальоны, в каждом из которых было около 1 тыс. человек; конные стрелки подразделялись на сотни [1: 410.]. Регулярные войска назывались сарбазами и состояли в основном из наемников, которым платили 4 руб. серебром (20 коканов) в месяц, но при этом они должны были кормиться за свой счет [1: 410].

Любопытно отметить, что большая часть пехоты была обучена по русскому уставу Николая I урядником Сибирского казачьего войска Османом, а другая часть – афганцами по английскому уставу [1: 410]. Также надо отметить присутствие английских инструкторов в 1866 г. в Джизаке [1: 382].

Подавляющая часть регулярных войск состояла из афганцев, таджиков, туркмен, иранцев-невольников [1: 373]. Помимо постоянного войска, в случае войны собиралось конное ополчение и нанимали туркмен, пожалуй, наиболее боеспособных воинов того времени в Центральной Азии. Количество ополченцев существенно варьировало в зависимости от внешней угрозы. Так, в 1866 г. , в сражении при Ирджаре их насчитывалось более 50 тыс. человек [1: 345]. Важным компонентом ополчения являлись шах-ризябцы (практически независимый горный народ), отличавшиеся более воинственным нравом по сравнению с другими ополченцами. Главную роль в кавалерии играли наемники-туркмены, количество которых было значительным. Так, в 1867 г. эмир, готовясь к решительной схватке с русскими войсками, нанял 10 тыс. туркмен, которым платил по 40 коп. серебром в день [1: 389].

Интересно отметить, что туркмены получали в месяц 12 рублей серебром, т. е. в 3 раза больше, чем давалось собственным сарбазам. Причины такого положения могут быть двоякими: во-первых, высокая репутация туркмен как воинов; во-вторых, после сокрушительных

поражений в 1866 г. и при подготовке к новым военным действиям необходимо было получить большое количество подготовленных воинов, не считаясь при этом с затратами.

В 1868 г. пехота (постоянные войска) была вооружена следующим образом: первая шеренга (т.е. половина. – *Авт.*) – различными кремневыми, ударными и охотничьими двустольными ружьями, а вторая была в основном вооружена холодным оружием (батики, айбалты, пики), у немногих были пистолеты. Конные сарбазы были вооружены пиками и саблями; при этом в первой шеренге имелись винтовки. Ополченцы в основном вооружались холодным оружием, но также были и фитильные ружья [1: 410]. Помимо этого в войсках могло присутствовать и самое современное (для того времени) оружие. Например, в Джизаке в 1866 г. в качестве трофеев русскими войсками было взято большое количество револьверов, ударных и нарезных ружей европейского образца, что объясняется присутствием в этой крепости нескольких десятков англичан [1: 382].

Артиллерия состояла в основном из средних (12-, 6-, 4-, 3-фунтовых), мелких (2-, 1,5-, 1-0,5-фунтовых) орудий [2: 288–289], а также большого количества фальконетов и крупных фитильных ружей [3: 241]. Пушки перевозились на арбах, а фальконеты – посредством выюков [4: 243]. Если в техническом плане бухарские орудия были достаточно конкурентоспособны по сравнению с русскими (например, в 1866 г. в Ура-Тюбе бухарцы так тщательно пристреляли свои орудия, что с замечательной меткостью попадали во все цели на расстоянии 900 и более сажень (т.е. более 2 км. – *Авт.*) [3: 232], то большая часть ружей являлась устаревшей (фитильные и кремневые), к тому же пули в основном представляли собой камешки или горошины, облитые свинцом [1: 368]. Правда, данный компонент вооружения не являлся особенно определяющим при боевых действиях, так как русские генералы продолжали придерживаться устаревших тактических взглядов на стрельбу, считая, что после первого залпа надо бросаться в штыковую атаку и тем решать исход сражения.

В тактическом плане бухарская армия мало отличалась от традиционного ведения боевых действий, характерного для всех азиатских войск в XVII–XIX вв., т. е. пехота с орудиями являлась как фундаментом построения на поле боя, так и резервом, в то время как конница из-за своей многочисленности начинала и вела сражение, надеясь смять противника. В случае же неудачи

конница, состоящая в основном из ополченцев, зачастую разбегалась и бросала пехоту с пушками на произвол судьбы. Следует отметить, что сарбазы-пехотинцы обладали довольно высокими морально-боевыми качествами. Так, в 1866 г., в бою под Ирджаром, казаки не смогли прорвать строй бухарской пехоты [1: 347].

Необходимо учитывать то обстоятельство, что бухарская армия могла значительно увеличить свою боеспособность благодаря английским и афганским советникам, однако воспоминания об активных происках англичан в годы англо-афганской войны (1838–1842) в Бухарском эмирате вызывали большое к ним недоверие, хотя предложения о модернизации и реорганизации войск от англичан поступали постоянно. Таким образом, время было упущено, и только когда достаточно неожиданно возник конфликт с Россией, эмир принял помощь англичан, но за такой небольшой срок добиться качественных изменений в войсках было практически невозможно. Однако английским и афганским инструкторам удалось продемонстрировать свои возможности при обороне Джизака в 1866 г., когда бухарцы в отличие от обычного способа стреляли только на действенной дистанции и уничтожили вокруг стен сады и дома [4: 244], помимо этого несли караульную службу, совершали постоянные вылазки и ночные обстрелы, восстанавливали разрушенные укрепления [1: 376, 382]. Дальнейшую модернизацию бухарской армии англичанами сначала приостановила гибель почти всех инструкторов в Джизаке, а потом быстрое поражение в войне с Россией и заключение вассального договора с ней. Это фактически положило конец английской модернизации, и последующая реорганизация вооруженных сил Бухары проходила уже под контролем и с помощью российских советников.

Кокандское ханство, как и его вооруженные силы, занимает особое место в процессе продвижения России в Центральную Азию в XIX в.: во-первых, именно конфликт с Кокандом по вопросу о разграничении открыл российским войскам коридор для проникновения в глубь данного региона; во-вторых, кокандские войска наиболее долго воевали с русскими, что, безусловно, сказалось на их развитии.

Особенностью кокандской постоянной армии до конца 50-х гг. XIX в. являлось почти полное отсутствие пехоты, что в первую очередь объясняется значительно большей слабостью центральной власти в отличие от Бухарского эмирата, а также наличием большого количества

подданных кочевников (кыпчаки и кыргызы), которые и составляли основу армии. Другой характерной чертой было наличие особой группы ополченцев, которые за военную службу получали земли и селения, являясь потомственными воинами, называвшимися “махрамами” [5: 69]. Численность их доходила до 10 тыс. всадников, они могли призываться на службу не более чем на 2 месяца в году [6: 49].

К середине XIX в. сведения о первой части (по аналогии с Турцией ее можно назвать сипахами) исчезают из источников. Вызвано это было все более увеличивающейся децентрализацией ханства, когда каждый бек присваивал не только гражданские полномочия, но и военные. Таким образом, сипахи становились обыкновенными ополченцами, переходя тем самым из ханского ведомства к местным начальникам. В 1829 г. хорунжий Потанин отмечал, что “на службу в Коканде вступают не по наборам, а по желанию. В мирное время войска занимаются ремеслами. Войско состоит из конницы, не знают правильного построения, не имеют единообразия ни в вооружении, ни в одежде. Артиллерии и пехоты нет” [7: 277]. В 1834 г. кокандские паломники в Бомбее говорили, что “хан имеет постоянную армию (конницу), которая снабжается зерном и фуражом за счет тех районов, где она квартируется. Кроме того, дают небольшое денежное содержание. Пехоты нет. В случае необходимости могут выставить 50 тыс. всадников” [8: 213]. В конце 30– начале 40-х гг. XIX в. сведения о кокандской армии были собраны и подытожены при штабе Сибирского корпуса. Они дали следующую картину состояния вооруженных сил ханства: “Армия кокандского хана состоит исключительно из конницы. В мирное время солдаты живут по городам и селениям, где занимаются промыслами. Казна выдает им провиант и фураж. Провинция Курама дает в случае войны 4 тыс. всадников. Мирза Аталык, управляющий Наманганом и другими городами, содержит на своем иждивении 7 тыс. войска. Гвардия хана называется Галя-Батыр, состоит из 2 тыс. чел. Киргизы у границы с Кашгаром должны выставлять 5 тыс. всадников” [9: 31].

Для того чтобы повысить боеспособность войск, кокандцы старались получить инструкторов из более развитых в военном отношении стран. Так, в 1831 г. в Тобольск прибыло кокандское посольство, и по некоторым сведениям, кокандцы просили несколько артиллерийских орудий и “опытных офицеров для употребления их против китайцев” [10: 245], а в 1837 г. из Турции

в Коканд были присланы военные инструкторы [11: 120].

Армия делилась на полки (даста), сотни (туб), полусотни, десятки. Полками командовали пансат-баши, сотнями – юз-баши, полусотнями – пандж-баши, а десятками – дах-баши; командиры артиллеристов назывались яварами [12: 139]. Жалование они получали следующее: в 1851 г. юз-баши (147 руб. серебром в год), пандж-баши (98 руб. серебром), дах-баши (65 руб. серебром), рядовой (43 руб. серебром) [13: 143]. Вообще же расходы на содержание войска производились кушбеги и хакимами. Хан обеспечивал только те войска, которые собирались в столичном округе [13: 143].

К началу 60-х гг. XIX в., в период активного противоборства с Россией, кокандская армия представляла собой уже несколько другую силу, в первую очередь, это относилось к появлению пехоты. К.К. Абаза приводит следующие данные: постоянные войска состоят из пехоты и 300 артиллеристов, “пехота в Коканде (около 2 тыс. чел.) набирается из бездомных бродяг и частью из преступников... Обучали русские пленные или беглые, даже все команды произносились на ломанном русском языке. Все вооруженные силы Коканда не превышали 15–20 тыс. человек” [14: 80–82].

А.И. Троицкая считает, что только в третьем правлении Худояр-хана (1865–1875) вводится воинская повинность и создаются регулярные войска, состоявшие из конницы (рядовые назывались джаван) и пехоты (аскарийа). Сарбазы состояли из пехоты и артиллеристов (тупчи) [12: 138–139]. Военными инструкторами были афганцы, поэтому частично команды велись на английском языке [15: 46].

Национальный состав кокандской армии был пестрым: преимущественно служили представители тюркских народностей – кипчаки и ферганские кара-кыргызы, собственно же сартов (узбеков – *Авт.*) было мало [16: 7]. В 1872 г. Худояр-хан отмечал, что большая часть кокандской армии состоит из кыргызов [17: 8]. Помимо коренных, местных народов, делались попытки создать части из русских беглых. В начале 60-х гг. XIX в. в Чимкенте и Ташкенте были так называемые “золотые роты”, составленные из беглых русских солдат (татары, поляки, казаки) [14: 84, 92].

До конца 50-х гг. XIX в. кокандская армия была в основном вооружена холодным оружием (пики, копья, сабли), огнестрельного оружия было немного, да и то устаревших образцов (фитильные ружья), хотя Р.Н. Набиев утверждает,

основываясь на кокандских источниках, что в 50-х – начале 60-х гг. ружей насчитывалось до 10 тысяч [18: 74]. Перевооружение кокандских войск началось в период правления Малля-хана (1858–1863), когда появилось значительно большее количество ружей, в том числе кремневых и нарезных. Так, после взятия Пишпека в 1860 г. в числе трофеев было 367 ружей английского и голландского производства, правда, устаревших марок [19: 46].

Несмотря на поражение в войне с Россией, кокандская армия продолжала улучшать свою материальную часть. По сообщению Д. Долго-рукого, в 1870 г. все сарбазы были вооружены ружьями, правда, в основном фитильными с рогатками, но были кремневые и даже пистонные [20: 259]. Достаточно высокая оснащенность кокандской армии ружьями наглядно проявилась в 1875–1876 гг.: в сражении под Махрамом было взято только в качестве трофеев 1,5 тыс. ружей [21: 32]. Во время обороны Намангана у кокандцев ружьями были вооружены около 9 тыс. человек [22: 56]. В ноябре 1875 г. у Тоды располагался лагерь, где находилось до 4 тыс. человек, полностью вооруженных ружьями со штыками [23: 76].

Артиллерия появилась при Омар-хане (1809–1822) благодаря русским дезертирам и представляла собой фальконеты на двухколесных арбах и на верблюдах [9: 32]. К началу 60-х гг. XIX в. кокандская артиллерия состояла из 20 орудий малого калибра [14: 81]. По другим данным – около 60 пушек [18: 74]. Однако при Малля-хане были предприняты чрезвычайные меры по созданию многочисленной артиллерии, о чем свидетельствует количество взятых в 1864–1865 гг. орудий при штурмах крепостей и сражениях – всего кокандцы за указанный период потеряли 92 орудия [2: 286–287]. Несмотря на такие чувствительные потери, в конце 1867 г. в кокандской армии насчитывалось до 40 пушек [24: 52]. Правда, в основном это были небольшие орудия, возимые вместе с зарядным ящиком одной лошадью [20: 259]. Тем не менее, готовясь к войне с Россией, кокандцы предприняли серьезные шаги для увеличения артиллерии. Так, несмотря на большие потери пушек в августе – декабре 1875 г., только в Коканде находилось 75 орудий.

При полевых сражениях кокандцы занимали господствующие высоты пушками и фальконетами, наиболее уязвимые места загораживали арбами, с укрывшимися за ними стрелками. Часть конницы спешивалась и действовала в

пешем строю, стреляя из ружей, но так как их скорострельность была незначительна, то исход сражения, как правило, решала конная атака. При своих построениях кокандцы обычно оставляли довольно значительный резерв, который по ситуации или вводился в бой сразу и полностью, или частями [5: 33].

В 60–70-х гг. XIX в., т.е. в последний период существования ханства, кокандская армия представляла собой в основном конно-феодалное ополчение с небольшим количеством пехотных частей и довольно многочисленной артиллерией. Боевой опыт, полученный в войнах с Бухарой, Кашгаром и Россией, а также помощь русских беглых солдат и иностранных инструкторов помогли создать армию, ставшую достаточно серьезным противником для русских войск в Туркестане, тем более что последних здесь было сравнительно немного.

Кашгарское государство, образовавшееся в результате антицинского восстания 1863–1864 гг. и во главе которого вскоре стал Якуб-бек, представляло собой довольно аморфное политическое образование с неустойчивой этнической ситуацией. В связи с этим и войска Джетишаара имели ряд особенностей, которые отличали их от других армий данного региона. Первый правитель Валихан-ходжа попытался создать постоянные войска, состоящие из пехоты (сарбазы) и конницы (джигиты), комплектовавшиеся из добровольцев, которые делились на знамена по 500 человек в каждом под командованием пансата [25: 109]. Однако из-за недостатка добровольцев было принято решение об обязательном рекрутском наборе, который распространялся на все мужское население от 15 до 35 лет, при этом сохранялась вербовка добровольцев [25: 113]. Дальнейшее развитие кашгарские войска получили при Якуб-беке, который в 1864 г. разделил армию на сарбазов, джигитов, топчи (артиллеристы) и тайфурчи, помимо которых в восточных городах для обороны от китайцев сформировали ополчение, состоящее в основном из дунган [25: 112]. Постоянные войска подразделялись на знамена (3–6 сотен), сотни (4 060 чел.) под командованием юз-баши, полусотни (20–30 человек) – пяндж-баши, десятки – дах-баши [25: 111].

В конце 60-х гг. турецкие инструкторы несколько видоизменили структуру местных войск по своему образцу – сарбазы вместо знамен и сотен стали делиться на таборы, каждый табор – на 8 булюков по 30 рядов в каждом; джигиты частью сохранили старую структуру, а частью были подразделены также на таборы, те

в свою очередь на 8 тахимов по 15–16 рядов в каждом [25: 112]. Было сформировано несколько батарей (по 6 орудий), при каждой из которых находилось, для прикрытия топчи, около 50 конных и столько же пеших солдат [25: 112]. Особые войска составляли тайфурчи, вооруженные тайфурами (большими фитильными ружьями), при каждом из которых было 4 человека прислуги; 5 тайфур + 5 человек прикрытия составляли отделение (т.е. всего 25 человек) [25: 112]. Высшим военным чином являлся ляхкар-баши (командующий дивизией), далее следовали пансаты и юз-баши и низшие чины – пяндж-баши, да-баши, рядовые [25: 112].

Одной из особенностей армии Якуб-бека было то, что в ней было четкое этническое деление по родам войск. Так, если сарбазы, джигиты и топчи в основном набирались из кашгарцев, кокандцев и таджиков, то тайфурные войска комплектовались из китайцев (остатки войск Цинской империи, принявшие ислам) и дунган. При этом надо отметить, что китайцев всячески презирали и возлагали на них всю грязную работу в армии [25: 113]. Помимо тайфурчи дунган брали в джигиты, их положение было несколько лучше, чем у китайцев, однако и к ним относились с большим недоверием. Кыргызы же служили конными разведчиками и почтовыми курьерами [25: 113].

Специальной формы в войсках не было, за исключением сарбазов, большая часть которых одевалась в длинные двубортные кафтаны из красного сукна и небольшая часть была одета в черные суконные сюртуки по турецкому образцу [25: 119]. В плане обеспечения и расквартирования войска делились на две части: пехота, артиллерия, большая часть кавалерии были сосредоточены в Аксу и Кашгаре, где они получали от Якуб-бека лошадей и продовольствие, к тому же здесь ежедневно проводились занятия и строевая подготовка, за исключением пятницы [25: 121]. Меньшая же часть кавалерии, тайфурчи и ополчение находились на обеспечении старших офицеров (токсоба, пансаты) и крупных феодалов (беки), которые получали несколько кишлаков для прокорма своих войск, при этом, как правило, солдаты этих войск часто оставались без провианта и денег, помимо всего их использовали на различных хозяйственных работах [25: 120]. При таком подходе, конечно, боеспособность войск, находящихся непосредственно под командованием Якуб-бека, значительно превосходила остальные. Любопытной чертой обеспечения кашгарских войск являлось то, что насе-

ление должно было бесплатно поставлять армии лошадей, скот, провиант, фураж и топливо [25: 110], что объяснялось и оправдывалось властями как чрезвычайная мера при “газавате”, т.е. священной войны с неверными, первоначально таковыми являлись китайцы, а с 1867 г. к ним прибавились еще и русские. С определенной долей уверенности можно констатировать, что такое положение дел, когда население Джетишаара жило из года в год в чрезвычайном режиме, сыграло свою роль в недолговечности данного государства.

Как уже отмечалось, обучением армии Якуб-бека занимались первоначально турецкие инструкторы, один из которых – Заман-бек – стал впоследствии переводчиком в канцелярии Туркестанского генерал-губернатора [26: 100]. В 1872 г. прибыло 60 английских специалистов и техников для налаживания военной промышленности и строительства линии укреплений на севере от Кашгара рядом с российской границей [25: 117]. Таким образом, можно отметить, что в отличие от бухарских и кокандских войск, кашгарские большей частью обучались иностранными инструкторами, правда, продемонстрировать свои боевые качества кашгарцам не удалось, хотя им и противостояли ни в чем их не превосходившие китайские войска. Одной из причин этого стала смерть Якуб-бека в 1877 г., безусловно, видного политического и военного деятеля Центральной Азии в то время, и разногласия между его сыновьями.

По общей численности кашгарская армия уступала как бухарской, так и кокандской, что объясняется значительно меньшими людскими ресурсами, однако постоянные войска даже превосходили по численности свои аналоги в Бухаре и Коканде. Так, пехота насчитывала около 15–16 тыс. человек, кавалерия – около 8–9 тыс. человек, артиллерия – около 2 тыс., т.е. всего регулярные части насчитывали около 25–27 тыс. человек [25: 121]. Тайфурчи первоначально было несколько тысяч, но из-за низкой боеспособности их постепенно расформировывали, и к началу 70-х гг. их оставалось всего несколько сотен, к тому же вместо тайфур они получили фитильные ружья [25: 45]. Количество ополченцев было непостоянным и сильно отличалось в зависимости от этнической принадлежности, однако можно оценить размер ополчения в 15–20 тыс. человек.

До 1868 г. пехота кашгарской армии была вооружена в основном фитильными ружьями и в небольшом количестве – кремневыми; из холод-

ного оружия у сарбазов были короткие дротики, шашки, батики, а у джигитов – пики и шашки (клычи) [25: 109]. Как отмечал Куропаткин, до 1868 г. в кашгарских мастерских в основном изготавливались фитильные ружья и в небольших количествах курковые [27: 182]. Качественное перевооружение началось с первой миссией Р. Шоу в 1868 г. Д. Форсайт в 1870 г. привез около 400 ружей, а в 1873–1874 гг. он же доставил около 2,2 тыс. скорострельных ружей [27: 171]. В 1870 г. в Афганистане было приобретено около 600 ружей [25: 119]. В 1874 г. англичанами было доставлено 8 горных нарезных 3-фунтовых орудий, а в 1875 г. из Турции прибыло около 7 тыс. ружей и 8 орудий [27: 171]. Таким образом, к 1876 г. в кашгарских войсках находилось до 8 тыс. энфильских нарезных ружей со штыками и около 4 тыс. скорострельных ружей системы Снайтера (кстати, одно из самых современных ружей того времени) [1: 2, 423]. Следовательно, к моменту решающих сражений регулярные войска примерно на 50% были вооружены современным стрелковым оружием, что являлось исключительным примером в центральноазиатских армиях того времени, включая и Афганистан.

Артиллерия состояла из гладкоствольных пушек местного производства (калибра $\approx$ 12-фунтовых и 3-фунтовых горных казнозарядных нарезных орудий) [25: 112]. Как отмечалось выше, в страну прибыло значительное количество английских техников, которые развернули широкую деятельность по строительству и организации военно-промышленных объектов. Было открыто несколько заводов, изготавливающих порох достаточно хорошего качества; завод по производству картечных снарядов и разрывных гранатных трубок; завод, где ударные ружья переделывались в скорострельные [25: 116]. Однако, как часто это происходило в восточных армиях того времени, помимо наличия качественного оружия еще необходимо было правильно с ним обращаться, чего, как правило, не наблюдалось. Так, большое количество ружей выходило из строя из-за неумелого с ними обращения, кроме того, ремонт их был затруднен из-за отсутствия специальных мастерских и из-за того, что они не были стандартизированы, т.е. в войсках находились ружья более десятка различных марок [25: 119].

Тактические приемы, применявшиеся кашгарцами, значительно отличались от бухарских и кокандских, что обуславливалось большим влиянием английских и турецких военных советников, а также местной спецификой. Необходимо

отметить, что кашгарские войска в плане взаимодействия родов войск на поле боя во многом превосходили бухарскую и кокандскую армии. В войнах Бухары и Коканда с Россией неоднократно происходило то, что в самый решающий момент конница, не выдержав напряжения боя, бросала на произвол судьбы свою пехоту и артиллерию. Зная об этой “особенности” местной кавалерии, Якуб-бек внес в тактику следующие изменения: с одной стороны, пехота была посажена на лошадей и арбы (повозки), что придавало ей значительно более высокую подвижность и маневренность, а с другой – кавалерия при обороне обязана была спешиваться, оставляя коноводами около 25% солдат для того, чтобы в случае контратаки быстро сесть верхом и преследовать отступающего противника [25: 114–115]. В целом же тактика Якуб-бека была следующей: при сближении с противником вперед высылались конные разведчики; пехота и артиллерия выстраивались в одну или несколько линий таким образом, чтобы в интервалах между каждыми двумя орудиями находились 40–60 пехотинцев, большая часть кавалерии находилась в резерве, а меньшая – располагалась на флангах [25: 114]. Сражение начинала конница, которая, рассыпавшись в цепь, открывала перестрелку, при этом надо заметить, что практиковалась стрельба шеренгами, чего также не было в бухарских и кокандских войсках. Пехота вводилась в бой постепенно, поддерживаемая артиллерией. В случае же, если противник значительно превосходил по численности, кашгарцы образовательно каре с орудиями, расставленными по углам построения [25: 115].

Усилия иностранных инструкторов принесли свои плоды, и в 1872 г. полковник Каульбарс отмечал меткую стрельбу сарбазов и топчи, а также то, что конная батарея была обучена искусному маневрированию согласно английским командам [25: 115].

Таким образом, кашгарская армия явно выделялась из общей массы центральноазиатских войск как по вооружению, так и в тактическом плане, обладая при этом достаточно высокой предполагаемой боеспособностью. Проявить свои лучшие качества кашгарским войскам мешала смерть Якуб-бека и связанные с этим междоусобицы, а также важной причиной являлась слабость государства Джетишаар в политическом и этническом отношении. Еще одна общая отрицательная черта, присущая как кокандцам, бухарцам, так и кашгарцам, заключалась в отсутствии подготовленного офицерского кор-

пуса, что во многом сводило на нет отдельные положительные моменты в вооружении, тактике и боевом духе.

В отличие от Бухары и Коканда, которые при первом же столкновении с современной армией потерпели сокрушительное поражение, при этом Кокандское ханство было присоединено к России, а Бухарский эмират стал ее вассалом, **Афганистан** смог отстоять свою независимость в двух англо-афганских войнах (1838–1842 гг. и 1878–1881 гг.), что, безусловно, имело большое значение для развития афганских вооруженных сил.

К началу первой англо-афганской войны единой армии в Афганистане не было, крупные феодалы имели собственные войска и только в случае серьезной военной опасности они объединялись вокруг кабульского правителя. Так, в 1838 г. в Кабуле находилось около 2,5 тыс. пехоты и 12–13 тыс. кавалерии, в числе которых было около 1 тыс. персов-рабов [28: 31]; правитель Герата имел 8 батальонов регулярной пехоты по 1 тыс. человек в каждом, а в Кандагаре – 2 тыс. пехотинцев [28: 38]. Как видно из этих данных, афганские войска на тот момент представляли собой типичную восточную армию, где кавалерия значительно превосходила по численности пехоту. Выйдя, по сути дела, победителем из первой войны, Афганистан стал значительно более централизованным государством, что облегчило проведение военных реформ. Так, по примеру англичан резко возросла численность регулярной пехоты, была сокращена конница. В 1858 г. регулярные части состояли из 16 полков пехоты по 800 человек в каждом (12 800) и 3 полков кавалерии по 300 человек (900) [28: 33]. В дальнейшем такая пропорция сохранялась, и шло только численное увеличение войск. За 20 лет регулярная армия выросла почти в 4 раза и насчитывала около 51 тыс. человек пехоты и конницы. При этом пехота состояла из 68 батальонов по 500–600 человек в каждом (т.е. около 35–40 тыс. человек), а кавалерия – из 16 полков по 4 или 6 сотен в каждом (т.е. около 8–10 тыс. человек) [28: 38–40]. Благодаря опыту военных действий с англичанами каждому батальону придавалось по 2 полевых орудия [28: 42]. Помимо регулярной армии, в случае войны собиралось ополчение, которое к 1878 г. насчитывало до 80 тыс. конницы и около 50 тыс. пехотинцев [28: 37].

Таким образом, афганская армия значительно превосходила по численности своих соседей (Бухара, Коканд, Кашгар), что обуславливалось наличием серьезной угрозы со стороны

Великобритании, а также традиционной воинственностью.

В 1838 г. пехота была вооружена длинноствольными мушкетами (фазилами), которые имели большую дальность стрельбы, чем английские ружья, что в значительной мере способствовало разгрому англичан [29: 68]; кавалерия же была в основном вооружена холодным оружием [28: 39]. Артиллерия располагалась в главных городах, принадлежащих правителям княжеств, так, в Кабуле размещалось 50 пушек и 200 замбуреков (мелкокалиберные орудия), а в Герате – 15 пушек (6-, 8-, 12-фунтовых) [28: 41]. Пушки были плохого качества и при военных действиях не имели решающего значения, являясь показателем престижности среди крупных феодалов. В начале 60-х гг. артиллерия насчитывала 57 полевых, 4 горных, 2 тяжелых орудия и 1 мортиру [28: 42]. Однако многие орудия были непригодны к стрельбе, лафеты были самых устаревших образцов и для разных калибров.

Дальнейшее развитие вооруженных сил Афганистана было связано с политикой Англии в Центральноазиатском регионе в 60–70-х гг. XIX в. – быстрое продвижение России на юг, разгром бухарской и кокандской армий заставили возвести своеобразный буфер и заслон перед Россией в лице Афганистана и Кашгара, поэтому им была оказана различная помощь, в том числе и при перевооружении и реорганизации войск. Так, в 1869 г. Афганистану было передано 6,5 тыс. мушкетов, 4 (18-фунтовые) осадные пушки, 2 гаубицы (200 мм), 6 (3-фунтовые) горных орудий [28: 34].

Помощь англичан в определенной мере способствовала переоснащению афганских войск более современным оружием. Так, в 1878 г. пехота была вооружена в основном кремневыми ружьями, шашками и штыками, некоторые роты имели двуствольные ружья, а отдельные батальоны – казнозарядные винтовки; кавалерия же, помимо холодного оружия, получила карабины и пистолеты “кольт”, но плохого качества [28: 39–40]. В 1885 г. афганцы во время столкновения с русскими войсками были вооружены кремневыми и пистонными ружьями, скорострельных винтовок было не более 10 штук [30: 181]. Артиллерия же к концу 70-х гг. насчитывала около 300 орудий в основном 6-фунтовые дульнозарядные медные пушки английского и местного производства, а также старые 18-фунтовые английского образца, 120- и 66-фунтовые мортиры и несколько казнозарядных орудий Армстронга [28: 42], однако боеприпасы к орудиям состояли

почти полностью из ядер, а картечи практически не было [30: 181].

Таким образом, афганская армия, мало чем отличаясь по вооружению от других государств в регионе, сумела на практике доказать свою боеспособность, благодаря чему Афганистан оказался единственной страной в Центральной Азии, сохранившей свою самостоятельность.

Выводы

1. Развитие вооруженных сил Бухары, Коканда, Кашгара и Афганистана шло под влиянием двух факторов: 1) военные действия с современными армиями (Россия и Англия); 2) специфика внутренних социально-экономических и политических процессов.

2. Сравнительная боеспособность войск во многом зависела от принятия военной помощи от Англии и Турции, положительным примером чего являлся Афганистан, а отрицательным – Бухарский эмират.

3. Во многом обесценивало возможности центральноазиатских войск отсутствие подготовленного офицерского состава. Наглядным отрицательным примером этого являлось сипайское восстание в 1857–1859 гг., когда отлично подготовленные и вооруженные сипаи, но практически не имеющие в своих рядах офицеров, оказались абсолютно беспомощными при столкновении с английскими войсками, которые при этом значительно уступали им количественно.

4. Основным фактором успешных действий местных войск являлось не более качественное вооружение, а, с одной стороны, различные противники (Англия и Россия), с другой же – особенности менталитета местных народов и их отношение к русским и англичанам. Так, в сражении при Узун-Агаче в 1860 г. русские войска (800 человек) разбили кокандцев (16–18 тыс. человек), при Ирджаре в 1866 г. 60-тысячная бухарская армия была наголову разгромлена 3-тысячным русским отрядом, а в 1880 г. при Майване английская бригада (2,5 тыс. человек, 36 орудий) была полностью разбита афганцами (12 тыс. человек) [31: 134].

Литература

1. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. 1–2. – СПб., 1906.
2. Ведомость взятых орудий у кокандцев в 1864–1865 гг. и бухарских орудий, взятых в 1866 г. // Романовский Д.И. Заметки по среднеазиатскому вопросу. – СПб., 1868.
3. Извлечения из донесения генерала Романовского от 7 октября 1866 г. // Романовский Д.И.

- Заметки по среднеазиатскому вопросу. – СПб., 1868.
4. Извлечения из донесения генерала Романовского от 1 ноября 1866 г. // Романовский Д.И. Заметки по среднеазиатскому вопросу. – СПб., 1868.
 5. *Бейсембиев Т.К.* “Та’рих-и Шахрухи” как исторический источник. – Алма-Ата, 1987.
 6. Путешествие Мир Иззет Уллы в Кокандское ханство в 1812 г. / Пер. Ю.А. Соколова // Труды САГУ. Новая серия. Исторические науки. – Вып. 78. – Кн. 11. – Ташкент, 1956.
 7. *Потанин Н.И.* Записка о Кокандском ханстве хорунжего Потанина (1830 г.) / Примеч. П.С. Соловьева // Вестник РГО за 1856 год. Кн. VI. – СПб., 1857.
 8. *Бакс-Граммон Ж.-Л.* Описание Кокандского ханства начала 30-х гг. XIX в. // Кайе дю монд рюс э советтик / Пер. Л.Ф. Строилова. – 1972. – XIII (2).
 9. Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии. Составлено при штабе отд. Сиб. корпуса из разных материалов, вновь проверенных и исправленных. 1841 год // РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19254.
 10. *Гуревич Б.П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII – пер. пол. XIX вв. – М., 1983.
 11. *Сапаралиев Д.* Этнополитическая история Оша и его окрестностей с XVIII до сер. XIX вв. – Бишкек, 1999.
 12. *Троицкая А.И.* Несколько документов по военному делу из архива кокандских ханов XIX века // Восточный сборник. Вып. 3. – М., 1972.
 13. Военно-статистический сборник. Вып. 3. – СПб., 1868.
 14. *Абаза К.К.* Завоевание Туркестана. – СПб., 1902.
 15. *Федченко А.П.* В Кокандском ханстве // Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 2. Вып. 7, 1875.
 16. *Смирнов Е.П.* Султаны Кенесары и Садык (биографические очерки султана Ахмета Кенесарина). – Ташкент, 1889.
 17. Резолюция К.П. Кауфмана на письмо Якуббека Кашгарского с изложением мнения о взаимоотношениях России с Кашгаром от 25.03.1872 г. // РГИА. Ф.954. Оп. 1. Д. 342.
 18. *Набиев Р.Н.* Из истории Кокандского ханства. – Ташкент, 1973.
 19. Донесение ком. отд. Сибирским корпусом от нач. войсками в Заилийском крае полковника Циммермана от 5.09.1860 г. // ЦГА КР. Ф.И. 75. Оп. 1. Д. 51.
 20. *Долгорукий Дм.* Пять недель в Коканде // Русский вестник. – 1871. – №1.
 21. Военные действия против кокандцев в 1875–876 гг. – СПб., 1876.
 22. *Серебренников А.Г.* К истории Кокандского похода // Военный сборник. – 1901. – №7.
 23. Рапорт начальника Наманганского отдела командующему войсками Туркестанского округа от 21.11.1875 г. // ЦГА КР. Ф.И. 75. Оп. 1. Д. 52.
 24. *Хорошихин А.П.* Сборник статей, касающихся Туркестанского края. – СПб., 1876.
 25. *Кляшторный С.Г., Колесников А.А.* Восточный Туркестан глазами русских путешественников (вторая половина XIX века). – Алма-Ата, 1988.
 26. *Веселовский Н.* Бадаулет Якуб-бек, аталык-Кашгарский // Записки Восточного отделения Русского Археологического общества. Т. 11. – СПб., 1899.
 27. *Куропаткин А.Н.* Кашгария. – СПб., 1879.
 28. История вооруженных сил Афганистана. – М., 1985.
 29. *Бабаходжаев М.А.* Борьба Афганистана за независимость (1838–1842). – М., 1960.
 30. *Шеманский А.Д.* Завоевание Средней Азии // История русской армии и флота. – М., 1913.
 31. Советская военная энциклопедия. Т. 1. – М., 1990.